

Валерий СОЛОВЬЕВ

К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ

Каковы были главнейшие течения в общественной среде России по вопросу о роли и месте крестьянской общины? Какое из них оказало влияние на дальнейшее развитие русской мысли в этой области? Данная статья есть попытка ответить на эти и другие вопросы, посвященные сложному перестроечному периоду российской истории в 60–90-е гг. XIX в.

Одним из первых отношение передовой российской интеллигенции к общинному землевладению определил Н. Г. Чернышевский. «Современник» был в то время властителем душ в общественной среде, тяготевшей к прогрессивным течениям Западной Европы; и все, что появлялось на его страницах, быстро воспринималось сравнительно обширным кругом интеллигентных читателей.

Заслуга Н. Г. Чернышевского как руководителя компании в защиту общинного землевладения состояла в том, что именно он, через официальный орган печати («Современник»), обратил внимание русского общества на важность и социальное значение этого вопроса.

Оказала ли вообще публицистика того времени влияние на законодательное разрешение вопроса об общинном землевладении? Это вопрос, на который трудно дать точный ответ. Возможно, что в этом отношении следует отдать должное влиянию публицистики пореформенного времени и, конечно, прежде всего славянофилам. Но, главным фактором, повлиявшим на решение радикальных комиссий, по отношению к общине, была очевидная для всякого русского невозможность немедленно предпринять коренную ломку исторически сложившегося и ставшим традиционным для основной крестьянской массы поземельного строя страны. Кроме того, мир являлся надежным единственным поручителем перед казной и помещиками за исправное выполнение крестьянским населением возложенных на него обязательств. По этим причинам упразднение общинного землевладения при отмене крепостной зависимости было невозможно.

Ю. Ф. Самарин правильно определил положение, когда писал А. И. Кошелеву: «Не понимаю, почему вас так озабочивает и беспокоит вопрос об общине? В практическом отношении он не имеет никакой важности; ибо разрешение его не может подлежать ни малейшему сомнению. Это, может быть, единственный вопрос, в котором интересы казны и помещиков совпадают с народным обычаем»¹.

Настоящая опасность, угрожавшая общине, находилась в министерских кабинетах. Именно в узком правительственном круге решался вопрос о том, принимать ли меры к сохранению общинного землевладения на будущие времена, или же предоставить дело «своему естественному течению» и даже содействовать образованию личного владения. От решения этого вопроса зави-

СОЛОВЬЕВ
Валерий
Юрьевич —
доцент Саратовского
государственного
социально-
экономического
университета

¹ Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. — М. 1911. — Т. 6, стр. 56–57.; «Современник». — СПб. 1858. № 7, стр. 12.; Коллюпанов Н. Биография Александра Ивановича Кошелева. — М., 1889. — Т. 2, стр. 349

село будущее русской общины, а может быть, судьба Российской империи.

С отменой крепостного права было подорвано многолетнее управление народа дворянским сословием. Открывались перспективы как «культурной», так и революционной деятельности разночинной интеллигенции на благо народа. По местному замечанию Г. В. Плеханова, «народничество, как общественное учение, было ответом на вопрос: что может разночинец сделать для народа?». Другими словами, одной из центральных концептуальных идей народнической идеологии стала проблема «народ и демократическая интеллигенция».

С 70-х гг. XIX в. в демократической и социалистической литературе распространяется понимание народа как совокупности «трудящихся классов общества» (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский). Однако в связи с усложнением социальной структуры русского общества, вызванным развивающимся капитализмом, такое определение перестало удовлетворять историко-социальную мысль народничества. В это же время в концепцию вносятся коррективы.

Уделявший большое внимание точному наполнению социальных терминов, Н. К. Михайловский постепенно, в ходе полемики с литераторами «Недели», русскими либералами и охранителями, конкретизировал понятие «народ». Он включил в него всех тех, кто трудился, не эксплуатируя чужого труда. Но все же в эти годы народники связывали свою деятельность прежде всего с сословием крестьянства.

После событий 1 марта 1881 г. Н. К. Михайловский напоминал, что в народнический идеал входит экономически сильное, материально самостоятельное крестьянство. И в этом отношении он совершенно совпадает с идеалом народа. По мысли Н. К. Михайловского, общественный деятель не имел права игнорировать народные мнения. Народ знает, что ему надо (это и есть его «мнение»), но далеко не всегда знает, как добиться своих целей. Кроме того, у крестьянства, помимо рассудка, значительную роль играют предрассудки. Вот тут-то и должна, размышлял Н. К. Михайловский, проявиться великая обязанность, которая лежит на русской интеллигенции, — прояснить конкретные пути осуществления главных народных мечтаний и устремле-

ний — земли и воли. Такое прояснение и означает выявление настоящих интересов народа. Магистральный же путь решения насущных интересов народа Н. К. Михайловский видел в существенных преобразованиях политического строя России¹.

Таким образом, Н. К. Михайловский одним из первых общественных деятелей определил задачи интеллигенции по отношению к русскому народу.

В первое послереформенное десятилетие в мыслящих кругах русского общества вокруг понятия «интеллигенция» шли острые споры. С. Н. Кривенко признавался в 1881 г., что к слову «интеллигенция» русские люди не привыкли.

Охранительная газета «Новое время» устами В. П. Буренина и А. С. Суворина доказывала буржуазность происхождения и буржуазность политических стремлений русской интеллигенции. По мнению А. С. Суворина, вся русская интеллигенция состояла из слоев крупной и мелкой буржуазии, поэтому сущность ее в целом буржуазная. Народники опротестовали так обоснованную точку зрения, заявив, что в суждениях А. С. Суворина истина была, но далеко не вся. Л. А. Тихомиров называл интеллигенцию «образованным слоем» с очень прочной репутацией демократов, сторонников народных интересов. Поэтому единственным средством ее дискредитировать являлось желание властей придать ей сословный характер. По мнению Н. К. Михайловского, вступившего в полемику с А. С. Сувориным и В. П. Бурениным, понятия «интеллигенция» и «буржуазия» могли совпадать, но это было очень редко. В тактических целях Н. К. Михайловский допускал возможность временной поддержки буржуазии, но при этом пояснял, что вдохновиться ее идеями, отдать ей на службу свое оружие — мысль, знание, творчество, логику, — этого интеллигенция наша сделать не сможет. Н. К. Михайловский предлагал предоставить русской интеллигенции свободу мысли и слова.

Полемика вокруг определения понятия «интеллигенция» показала, что этому термину демократы придавали в основном политическое значение и подразумевали под интеллигенцией прежде всего

¹ Михайловский Н. К. Записки современника (1881–1882 гг.). / Полн. собр. соч. — Т. 5. — СПб., стр. 442–444

«небуржуазную» радикально-демократическую часть образованного общества. Интеллигенция не противопоставлялась народу, а мыслилась революционными демократами как его наиболее сознательная его часть.

В целом народническая субъективная концепция интеллигенции была исторически обусловлена и преходяща. Определенную тенденцию к научному пониманию «интеллигенции» рельефно отметили те мыслители, которые были тесно связаны с материалистическими философскими традициями. Так, П. Н. Ткачев писал в 1879 г., что исторический опыт Западной Европы показывал россиянам, что под влиянием прогрессивного дифференцирования и интегрирования факторов экономического производства общественная мысль тоже расчленяется, дифференцируется и интегрируется на несколько своеобразных направлений. При этом каждое направление всегда опиралось на экономический фактор, интересы которого оно в себе воплощало.

Если в консервативных и либеральных кругах русского общества популяризовался тезис об идейной розни между русским народом и «западнической» интеллигенцией, то для демократов вопрос об оторванности интеллигенции от народных масс носил главным образом практический, организационный характер. Допуская возможность недопонимания, Л. А. Тихомиров полагал, что единство духовное не уничтожается даже в этом случае. Ставшая в «героический период» народничества особенно острой, проблема совмещения общественных идеалов крестьянства с идеалами демократической интеллигенции решалась в народолюбивой доктрине относительно просто. Понятие «народной воли» отождествлялось идеологами партии, с понятиями «народных интересов, которые могли быть правильно выражены прежде всего радикальной интеллигенцией, а не непосредственно «народным сознанием», «народным мнением»¹.

Таким образом, в понимании проблемы «народ и интеллигенция» на рубеже 70–80-х гг. XIX в. было привнесено нечто новое. Это новое заключалось в признании неотложности политических преоб-

разований для установления прочных и действенных взаимоотношений между народом и демократической интеллигенцией. Далее традиционное противостояние в идеологии народничества снималось и принимало форму противостояния определенных слоев народа. Поэтому проблема служения приобретала совершенно иной аспект.

Острые споры вокруг интеллигенции проходили в период, когда идеи сближения с народом получали свое воплощение в охранительной идеологии. Кроме того, выражение интересов народа брали на себя русские либералы. Либеральная тенденция в народничестве развивалась параллельно и в известной мере взаимосвязанно с развитием революционно-народнического направления. Истоки либеральной тенденции в народничестве, как и всего народничества, коренятся в русском просветительстве эпохи падения крепостного права. Более сильное воздействие на формирование либерально-народнической мысли оказало либеральное крыло русского просветительства (кавелинского типа)².

Аграрная программа либерального народничества формировалась на страницах «Недели» — отчасти на критике аграрно-экономических проектов либералов, таких как А. И. Васильчиков, Ю. А. Янсон, а главным образом на научных трудах либерально настроенных историков-крестьяноведов и экономистов, таких как А. Я. Ефименко, К. Д. Кавелин, В. П. Воронцов, С. Н. Южаков, А. И. Чупров. В историко-социальном аспекте «Недель» были подвергнуты критике мнения о выдающейся роли интеллигенции в истории, о роли идей вообще. В этом действии печатного органа П. Н. Ткачев и Н. К. Михайловский усматривали отход от наследства 50–60-х гг., оживление «почвенничества» как в наукоемких вопросах, так и по линии проповеди малых дел³.

Спор о «наследии» приобрел особую остроту на рубеже 1870–1880 гг., в период оформления так называемого политического направления в народничестве.

² Кольцов И. В. В защиту интеллигенции. // «Дело». — 1882. — № 4

³ Ткачев П. Н. Мужик в салонах современной беллетристики (1879) / Избранные соч. на социально-политические темы. — Т. 4. — М., 1933. — С. 197; . Михайловский Н. К. Записки современника (1881–1882 гг.) / Полн. собр. соч. — Т. 5. — СПб., 1908, стр. 514–515

¹ РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.46. Л.3; См.: 25 лет назад: Из дневников Л. А. Тихомирова. — М. 1930. — Т. 2, стр. 66–67

При этом надо отметить, что либеральные мыслители по-своему боролись за наследство «шестидесятников», доказывая, что это не они, а «политики» порывают с наследием Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, выжимая из наследства этическую тенденцию и интерпретируя его прежде всего как политическое наследство.

В одном из своих писем к А. Д. Кавелину П. А. Гейдебуров отмечал: «В. Г. Белинский старался сформировать человека, а его последователи заботились только о создании бойца известных начал, приуроченного к потребностям минуты. От того, когда эта минута прошла — бойцы оказались без дела, а силы — без приложения. Человек В. Г. Белинского не потерялся бы ни при каких обстоятельствах, опираясь на свою внутреннюю силу. Вот откуда, в дальнейшем развитии, эти самоубийства, эти холодные и бесстрашные хождения в народ и вот откуда реакция против этого направления»¹.

Общественную роль интеллигенции либеральные мыслители видели в том, чтобы не столько объяснить мир, сколько способствовать его изменению. Поскольку в обществе одновременно развивались как прогрессивные тенденции, так и регрессивные, то в этой связи, полагали либералы, интеллигенция обязана, во-первых, критиковать последние (критика есть необходимое условие прогресса), во-вторых (и это главное), указывать «на здоровые элементы, развитие которых дает нам лучшее будущее».

Действие неумолимых законов истории либеральные народники отрицали (не законы истории мешали рабам освободиться, а их собственная неумелость и разрозненность), хотя допускали детерминированность (законсообразность) исторических событий. У различных слоев интеллигенции есть определенная свобода выбора идеала и путей достижения своего надела, но они все же связаны национальными традициями своей страны, сословными стремлениями, рамками своего сознания (альтруистического или эгоистического, западного или национального), общественным настроением данного времени, активной функцией государства. Либералы актив-

но боролись с карлейманской точкой зрения, согласно которой историю творят герои по собственному разумению. Полемизируя на страницах «Недели» с народовольцами, И. И. Каблиц писал: «Пора понять, что отдельная личность только тогда может проявить свое влияние на создание общественных форм, когда она примыкает к той или другой стороне взаимодействующих друг на друга общественных элементов»². На пересечении различных групп личностей является равнодействующая, которая и определит направление развития общества. Задача интеллигенции, по мысли либералов, состояла в том, чтобы провести и воплотить в общественных формах волю и общественно-политические понятия (коллективную мысль) народа. Выполнив эту задачу, интеллигенция смогла бы сдвинуть равнодействующую интересов в сторону народа.

По мнению русских либералов, прогресс России мог быть обеспечен в том случае, если общественные деятели учитывали бы национальные особенности своей страны. Лучший и наиболее гарантированный путь прогресса осуществится тогда, когда в нем непосредственно участвует сам народ — основной носитель национальных особенностей страны.

Либералы отрицали необходимость насилия в прогрессе. Опираясь на учение Спенсера, они обосновали желательность постепенной «общественной трансформации», при которой совершенствование социально-политических форм происходило бы в соответствии с меняющимися запросами личности, народными настроениями, понятиями. Дело совсем не в том, чтобы отыскать идеальнейшую общественную форму, большей частью вполне неприменимую к настоящей жизни, а в отыскании формы, вполне соответственной общественным желаниям и воззрениям народа. Эта форма, полагали либералы, будет совсем не идеальной, так как в идеальных формах могут жить только идеальные люди. Она непременно должна соответствовать общественным чувствам и идеям и изменяться вместе с ними.

Как в разработке общественно-политического идеала, так и в конструировании

¹ Червинский П. Н. Нашим критикам. — // «Неделя». — 1876, № 34—35

² Каблиц И. И. (Юзов). Основы народничества. — Т. I. — СПб., 1888, стр. 16

нии ближайших задач, интеллигенция, по соображениям либеральных народников, обязана прежде всего видеть в крестьянине личность, уважать общественно-политические понятия этой личности. Мотивировалось это тем, что народ (в отличие от городской интеллигенции), работая в общинных традициях, сохранил социально-нравственные идеалы, которые, по глубокому убеждению либералов, оказывали и будут оказывать существенную роль в прогрессе России. Интеллигенция, рассуждали они, конечно, не может не замечать недостатки обыденного и политического сознания крестьянства, но в своей практической работе ей все же придется считаться с уровнем сознания народной массы, поскольку насильственное привитие народу общественных форм, не согласных с его понятиями, будет отторгнуто или получит уродливое развитие. Поэтому интеллигенция обязана отказаться от насилия и ограничиться «только умственным и нравственным воздействием на народ», тактичным по отношению к народным предрассудкам.

Опыт революционной деятельности народовольцев, а также отсутствие сколько-нибудь широкой возможности для культурной деятельности народнической интеллигенции породили у либералов сомнения в созидательной способности русской интеллигенции. Вместе с тем рос оптимизм в отношении возможности благотворного вмешательства в народную жизнь. Особую роль при этом играли два фактора, больше известные как попытка проведения «пронародной политики» Александром III и курс на осуществление государственного социализма Бисмарка. Не доверяя вполне «народной политике» (и «социализму» Бисмарка), либеральные народники критиковали с реформистских позиций данные варианты. При этом пытались подвинуть российское правительство на подлинное народное направление¹.

Анализ пореформенной жизнедеятельности привел либералов к убеждению, что российское государство постоянно колеблется между проведением пронародной политики и политики русской буржуазии. Поэтому они полагали, что не

исключена возможность склонить курс правительства окончательно в сторону «народной политики».

С активизацией террористической деятельности народовольцев, либералы, как и консервативно-славянофильская печать, развивали теорию единения народа и власти, хотя преследовали при этом цели, отличные от охранителей.

По их глубокому убеждению, усиление единения народа и власти следовало достигать постепенной демократизацией бюрократии, то есть сведением управления к бесконечно малой величине. В условиях России самодержавие должно было постепенно подключать к государственному управлению широкие слои народа. Одновременно с этим заниматься организацией самоуправляющихся общин в союзы «общин-артелей».

Однако реальных путей осуществления этого идеала либералы не могли указать. В этом проявилось своеобразное развитие землевольческого бакунизма в рамках формирующейся доктрины либерального народничества.

Наиболее слабой, с нашей точки зрения, стороной доктрины либералов был ее земельный демократизм. Здесь они становились на точку зрения «среднего» человека из народа и требовали (точнее, просили) для него полного освобождения и надела не только пахотной землею, лесами и лугами, но и реками, озерами, рудниками, необходимыми для крестьянского промысла. Это требование либерально настроенные народники объясняли тем, что оно было обозначено в пугачевских манифестах.

Таким образом, либеральные народники противоречили своим же идеям об общественно-политическом и социально-нравственном идеалах народа, которые никак не подходили под доктрину земельного демократизма.

Деятельность либеральных народников заложила основы теории малых дел, получавшей широкое распространение в России с середины 80-х гг. XIX в.

Основные положения этой теории общеизвестны, поэтому позволим себе остановиться на самых важных постулатах. Прежде всего это был отказ от мысли поднять народ на революцию или осуществить ее силами одной интеллигенции. Далее провозглашалась необходимость неотложной помощи народу со

¹ Каблиц И. И. По внутренним вопросам. // «Русское богатство». — 1883. — № 3

стороны интеллигенции и правительства. Для этого интеллигенция должна была развернуть широкую пропаганду общинных и артельных форм хозяйствования.

Значительным вкладом в фундамент теории малых дел стала идея об ограничении наступающего капитализма, широкого применения труда интеллигенции. В. П. Воронцов, пропагандировавший эту мысль в «Отечественных записках», предупреждал интеллигенцию, что она обязана помогать народу, ибо на селе создаются широкие возможности применения избыточных сил образованных людей. Расширение капитализма в России не только само ограничено в определенных пределах, полагал В. П. Воронцов, но даже в узких рамках своего развития капитализм не способен поглотить предлагаемый умственный труд интеллигенции. Отсюда следовал вывод, что борьба за народное производство на селе для городской интеллигенции становится насущным жизненным вопросом.

«Неделя», конкретизируя задачи интеллигенции в условиях «факта водворения капитализма», в середине 80-х гг. настойчиво звала интеллигенцию в провинцию. «Пора перестать бесплодно рассуждать о невозможности укрепления капиталистических порядков в нашем Отечестве и обратить все внимание на то, чтобы возможно более оградить население (крестьян) от печальных сторон этих порядков»¹.

Своеобразие общественной мысли состоит в том, что она выступает отражением настроений народа. Либеральные

народники пытались по возможности полно изучать мировоззренческие принципы русского крестьянства. Поэтому им удалось ближе, нежели революционно-народническому направлению, приблизиться к пониманию насущных проблем России.

Решение всех накопившихся в обществе вопросов либералы пытались осуществлять в строгом соответствии с традиционными для русского человека соборными и мирскими воззрениями. Как это было, например, при разработке аграрной программы.

На основе вышеизложенного можно сделать некоторые выводы. Для каждой страны переход к более современному обществу специфичен и предполагает различия в политической, экономической и культурной традиции. Общественное сознание крестьянства либо вступает в противоречие с процессами модернизации общества, либо растворяет эти процессы в традиционной культуре, ограничивая их рамками собственных нужд и идеалов.

Как и любое традиционное общество, русские крестьяне предпочитали жизнь, которую могли бы контролировать. Именно принцип «прежде всего безопасность» лежал в основе громадного большинства технических, социальных и моральных приспособительных приемов русского аграрного строя в изучаемый период.

В общинном порядке, который обеспечивал главной массе населения справедливое распределение основного средства существования — земельного фонда, охранял экономическую независимость более слабой части населения, русские крестьяне видели гарантии от риска и охотно шли на инновации.

¹ Воронцов В. П. Капитализм и рабочая интеллигенция. // «Отечественные записки». — 1884. — № 2. — Отд. 2